

ТОТАЛИТАРИЗМ В ОЦЕНКЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: ОСОБЕННОСТИ ДИСКУССИИ 1990-х гг.

Рассматриваются проблемы перехода от тоталитаризма к демократии. Автор отмечает, что критика теории тоталитаризма во французской исторической и политической мысли в 1990-е гг. достигла наибольшего распространения. Французские учёные в этот период существенно обогатили и углубили не только само понятие тоталитаризма, но и предложили новые концепции исследования данного феномена XX в. В центре внимания позиции французских историков в отношении проблем и путей преодоления тоталитарного прошлого.

Ключевые слова: тоталитаризм; демократия; французская историография тоталитаризма; дискуссии 1990-х гг. при преодолении тоталитарного прошлого.

Тоталитаризм, бесспорно, является феноменом XX в. Ни одно из явлений не вызывало такого количества споров и противоречивых оценок. Примечательно, что его изучение во французской исторической и политической мысли началось сразу же с момента его появления. Каждый этап его исследования сопровождался появлением новых подходов и интерпретаций и, соответственно, имел свои характерные особенности. В 1960–1980-е гг., казалось, были исследованы все аспекты данного феномена. Но реальность внесла свои коррективы: Перестройка в СССР и сопровождающие ее проблемы всколыхнули общественное мнение и породили бурные дискуссии как в нашей стране, так и во французской исторической и политической мысли. Проблема тоталитаризма приобрела ещё большую актуальность. Самыми дискуссионными оказались вопросы, связанные с проблемами перехода от тоталитаризма к демократии. «Гласность» также принесла свои плоды: новые свидетельства из «тоталитарного» прошлого вызвали и новые вопросы у исследователей тоталитаризма, на которые предстояло ответить. Исторический опыт и практика показывают, что тоталитарную систему нельзя изменить, реконструировать, её можно только разрушить. Вслед за конструктивным преодолением тоталитаризма общество неизбежно должно прийти к демократизации всех сфер общественной жизни.

Подобная попытка осмыслить с историко-философских позиций истоки и сущность тоталитарных режимов Ф. Лаку-Лабартом привела к написанию ими в 1991 г. книги «Нацистский миф» [1]. Своё исследование авторы проводят в рамках «известного антитоталитаризма», который, по их мнению, представляет собой «своего рода стиль демократической мысли» [Там же. С. 9]. Само происхождение и существование «нацистского мифа» французские философы возводят к демократии, точнее, кризису западной демократии начала XX в. [Там же. С. 6]. Поэтому нацизм, считают они, призван «показать, как современному миру не удалось идентифицировать себя в «демократии» или же идентифицировать пресловутую демократию» [Там же. С. 11]. Возникновение тоталитаризма, по их мнению, неотде-

ливо от проблемы идентификации. Авторы по-своему продолжили исследование В. Райха, который рассматривал идентификацию человека с фашистским государством и мифотворчество как средство достижения цели. Французские учёные, на наш взгляд, пошли дальше – исследовали истоки и причины появления как нацистского государства, так и «нацистского мифа». «Миф» является главным ориентиром и механизмом. Для Германии – это «нацистский миф», для России – «революционный миф», которые не только играют роль идеологии, но и являются обоснованием целей и методов этих режимов. Авторы подробно останавливаются на характеристике «нацистского мифа». Причины его появления, считают исследователи, кроются в германской историко-культурной традиции. Именно поиск образца для идентификации Германии явился, по мнению учёных, причиной «копирования» существовавших ранее примеров (мифа, выступавшего в роли образца), а затем формирования и создания своего собственного «мифа». Решающую роль в учреждении мифа философы отводят идеологии в том смысле, в каком определила этот термин Х. Арендт в своем эссе «Истоки тоталитаризма» [1. С. 17]. В том виде, в каком идеология, с одной стороны, всегда представляет себя как политическое объяснение мира, т.е. как объяснение истории, исходя из единственного концепта – концепта расы, к примеру, или концепта класса, или даже «все-человечества»; притом, с другой стороны, это объяснение или мировоззрение всегда мнит себя всеохватным объяснением или тотальной концепцией [Там же. С. 18].

В то же время Лаку-Лабарт и Нанси критикуют Арендт и тех исследователей тоталитаризма, которые настаивают на том, что главная черта нацистского режима – это осуществляющаяся логика идеи или субъекта – логика Террора. Авторы доказывают, что сама по себе она не является ни собственно фашистской, ни тоталитарной [Там же. С. 20, 21]. Фашизм французские философы определяют через идеологию субъекта, только такая дефиниция «не теряет своей ценности и сегодня», считают они. Выступая против обвинений фашизма в иррациональности, авторы доказывают, что существует логика фашизма, так же как и определенная

логика является фашистской [1. С. 21]. Нацизм, как и всякий тоталитаризм, апеллировал к науке, т.е. посредством тотализации и политизации всего, к науке вообще. Одним из главных элементов фашизма, считают они, является эмоция, массовая, коллективная, которая всегда состыкуется с некоторыми концептами. В подтверждение своей позиции авторы приводят определение В. Райха из «Психологии масс и фашизма»: «Фашистская ментальность возникает, когда реакционные концепты накладываются на революционную эмоцию» [1. С. 23]. Авторы выделяют специфическое отличие нацизма от других тоталитарных идеологий, которое состоит из двух положений: 1) нацизм – это специфически немецкий феномен; 2) идеология нацизма – это расистская идеология. При этом авторы не приуменьшают вклад французских и английских авторов в создание расистской идеологии.

Обосновывая специфичность нацизма, учёные пришли к выводу: 1) именно потому, что немецкая проблема является, в сущности, проблемой своей идентичности, немецкой «фигурой» тоталитаризма и стал расизм; 2) именно потому, что миф можно определить как аппарат идентификации, расистская идеология слилась со строительством мифа (под ним подразумевается миф Арийца постольку, поскольку он был обдуманно, целенаправленно и технически разработан как таковой) [1. С. 43, 44]. Поэтому, справедливо подчеркивают авторы, миф осуществляется наистрожайшим образом как «национал-социализм». В заключение они предлагают несколько дополнительных определений:

1) Насущная теперь уже схватка – это прежде всего схватка идейная или «философская» (Гитлер не говорит о мифе, он говорит на языке современной рациональности). «Грубая сила» ни на что не способна, если она не опирается на великую идею. Но беда и зло современного мира как раз и заключаются в этой абстрактной, развоплощённой, бессильной двойкой идее индивида и человечества, иначе говоря, в демократии и марксизме. Следовательно, «краеугольный камень программы национал-социализма в том, чтобы упразднить либеральное понятие индивида, равно как и марксистское понятие человечества, и поставить на их место понятие народного сообщества, укоренённого в почве и соединённого узами одной крови» (Гитлер, речь в Рейхстаге, 1937 г.). Схватка должна быть схваткой за действительное воплощение этого понятия, каковое есть не что иное, как концепт мифа [1. С. 59].

2) Нацизм – это прежде всего «формирование и осуществление его weltanschaulich (мировоззренческого) образа», т.е. строительство и формирование мира согласно зрению, образу формотворца, арийца. Арийский мир должен быть много больше, нежели мир, который арийцы завоевали и который они эксплуатируют; он должен быть миром, ставшим арийским (вот почему необходимо исключить из него не-тип *par excellence*, еврея, равно как и несколько других вырождавшихся типов) [1. С. 60].

3) Вот почему *Weltanschauung* (мировоззрение) является абсолютно нетерпимым и не может фигурировать как «какая-нибудь партия наряду с другими партиями». Это не просто философский или политический выбор, это сама необходимость творения, крови творца. Вот почему это мировоззрение должно быть объектом верования и функционировать как религия. Верование не возникает само по себе, оно должно быть возбуждено и мобилизовано в массах [Там же. С. 61].

Таким образом, проведённое исследование французских философов подтверждает выдвинутое ранее во французской исторической и политической мысли положение о том, что тоталитарные режимы противостоят не только либеральной демократии, но и друг другу. Также они подтвердили и то, что главные причины появления тоталитарных режимов кроются в западной демократии, точнее в её кризисе в начале XX в. Главная заслуга Лаку-Лабарта и Нанси состоит в том, что на примере Германии они доказали, что своеобразие конкретного тоталитарного режима напрямую зависит от историко-культурных традиций той страны, в которой он утверждается, более того, целиком зависит от «мифа», несущего в себе все функции официальной идеологии от обоснования её целей до оправдания её методов. «Миф» также должен быть внушён массам, только в этом случае он может быть реализован.

Попытка суммировать взгляды французских исследований по правовым формам тоталитаризма нашла свое отражение в работе историков Сержа Берштейна и Пьера Милзы «Исторический словарь фашизма и нацизма» [2]. Отмечая, что используемый для характеристики режимов нового типа, появившихся в XX в., термин «тоталитаризм» стал объектом теоретических исследований, Берштейн и Милза ссылаются на Х. Арндт, которая провела его глубокое исследование, увидев в нём новую форму обеспечения руководства обществом, осуществляемого авторитарным государством в обществах, деструктурированных отчасти индустриальной революцией и её последствиями. В то же время авторы «Словаря» подчеркивают спорность некоторых положений схемы Арндт. С появлением же трудов К. Фридриха и З. Бжезинского, по мнению Берштейна и Милзы, понятие «тоталитаризм» стало инструментом холодной войны, ибо это понятие, применяемое не столько к фашистской Италии, где термин родился, сколько к гитлеровской Германии и к сталинскому СССР, позволяет смешивать оба этих режима и возлагать на сталинский коммунизм часть позора, который связывается после Второй мировой войны с немецким нацизмом [2. С. 11]. Поскольку тоталитаризм в равной мере практиковался и нацистской Германией, и фашистской Италией, и сталинской Россией, из этого родства в годы холодной войны родилась концепция, склонная смешивать фашизм и коммунизм внутри тоталитаризма, сводя, таким образом, фашизм к его практике, сглаживая идеологические корни, социальные концепции, политические цели, составляющие оригина-

нальность каждого из тоталитарных режимов первой половины XX в. [2. С. 669]. В связи с этим Берштейн и Милза считают историческим нонсенсом под прикрытием концепта тоталитаризма полностью отождествлять фашизм (или нацизм), с одной стороны, и сталинизм – с другой, ибо и социальная эволюция стран, где властвовали эти режимы, и их экономический уровень, и политическая культура, и силы, которые поддерживали тот или иной режим, и цели, ими преследуемые, глубоко различны и даже антагонистичны между собой. Однако, исходя из этого, авторы не считают нужным и правильным отказываться от использования концепта, который оказывается исторически плодотворным, так как позволяет лучше понять условия возникновения и эволюции диктатур нового типа, появившихся после Первой мировой войны. При этом Берштейн и Милза пытаются определить, что же понимается под тоталитаризмом, так как в этой сфере расплывчатость определений способствует спорам, столь же резким, сколь и неразрешимым [2. С. 11, 12]. По их мнению, тоталитаризм не есть некая доктрина, это практика, которая может служить тотально разным целям. Причём подобная практика направлена на удержание людей в новых структурах, чтобы дать им единое и однородное устремление.

Берштейн и Милза настаивают на принципиальной новизне тоталитарного феномена, характерного именно для XX в. В центре тоталитаризма находится прежде всего стремление распространить на всё население властный контроль для достижения желаемого результата, новым в тоталитаризме – в отличие от традиционных диктатур – является осуществление надзора и давления на правящие элиты. В этом отношении тоталитаризм представляет собой форму современной диктатуры, использующей всё обилие техники и средств современной коммуникации. Не менее важно и то, что тоталитаризм не ограничивает поле своего действия только социально-политической сферой, а предполагает, что человек в его тотальности будет подвержен переделке, которая фиксируется тоталитарным режимом как задача. Поэтому профессиональная жизнь, досуг, семья, вера, этика, даже эстетика не могут ускользнуть от засилья тоталитарного государства, которое рассматривает эти аспекты человеческой жизни как подведомственное поле своей деятельности [2. С. 12, 13]. Согласно авторам, особенность тоталитаризма состоит в попытке включить сферу частной жизни в поле деятельности власти, имеющей целью создать «нового человека», в стремлении уничтожить гражданское общество, которое классические диктатуры сохраняли, если оно не угрожало их власти.

Делая вывод из вышесказанного, Берштейн и Милза полагают, что существование понятия «тоталитаризм» вполне обоснованно, оно характеризует формы режимов и идеологий, довольно ощутимо отличающихся в своей практике, в своих задачах от традиционных идеологий и режимов. Авторы ещё раз акцентируют внимание на

том, что тогда как сталинизм представляет тоталитарный вариант левых идеологий, а фашизм воплощает тоталитарную форму правой авторитарной семьи, все это ни в коем случае не означает, что использование общей (или близкой) тотальной практики позволяет смешивать сталинизм с фашизмом (нацизмом).

Исследования фашизма как правой формы тоталитаризма пополнились основательными трудами французских историков Р. Ремона, П. Милзы, Н. Пулантаса, З. Стернхелла, Ф. Лаку-Лабарта и Ж.-Л. Нанси и др. Актуальность изучения фашизма с конца 1960-х гг. французскими учёными была обусловлена отсутствием качественного определения для характеристики фашизма и прежде всего опасностью его возрождения во французском «неофашизме». Именно поэтому на первый план вышла проблема интерпретации как самого явления фашизма, так и французского фашизма. Учёные предложили несколько интерпретаций фашизма и фашистских движений. Они отметили относительную слабость фашизма в сравнении с коммунизмом.

Ф. Фюре в одной из своих последних работ «Прошлое одной иллюзии» [3] акцентирует внимание на интеллектуальной и психологической истории коммунизма в XX в. Главная цель, которую преследует автор в своей книге, – понять «одну вещь, ограниченную и центральную в одно и то же время, а именно роль, которую сыграли в нашем веке идеологические страсти, в особенности коммунистическая страсть. Именно эта черта специфична для XX в.» [3. С. 19]. Фюре также рассматривает фашистские режимы и сравнивает их между собой. Учёный отмечает, что именно идеологии придали огромную притягательную силу этим режимам, «привлекшую к ним в послевоенной Европе не только народные массы, но и образованные слои общества, несмотря на всю примитивность идей и аргументов, которыми эти режимы оперировали» [3. С. 20].

Хронология для Ф. Фюре служит отправной точкой для анализа: и большевизм, и фашизм – дети Первой мировой войны. Автор отмечает, что явная и программная цель русской революции и её идеологии – интернациональная и универсальная. Что же касается фашизма, то, по мнению историка, он родился «как реакция частного против универсального, народа – против класса, национального – против интернационального. У своих истоков он неотделим от коммунизма, цели которого он отвергает, а методы заимствует» [3. С. 21]. Таким образом, считает он, сравнительный анализ коммунизма и фашизма необходим не только по причине их одновременного и весьма краткого по историческим меркам существования, но и по причине их взаимозависимости. «Фашизм родился как реакция на коммунизм. Коммунизм продлил свои дни благодаря победе над фашизмом» [3. С. 41]. Получается, что их нельзя изучать отдельно друг от друга, поэтому автор предлагает использовать для их сравнения «генеалогический» подход в противовес «историко-генеалогическому», предложенному Э. Нольте.

По мнению автора, применение такого понятия, как «тоталитаризм», может быть полезно, «если пользоваться им осмотрительно», так как «оно может служить для характеристики определённого состояния, достигнутого указанными режимами (не обязательно всеми) в различные моменты их эволюции. Но оно не говорит ничего ни о соотношении между их природой и условиями их развития, ни об их скрытом взаимотяготении и взаимооплодотворении» [3. С. 191]. Война 1914 г. сыграла по отношению к истории XX в. такую же роль матрицы, как Французская революция по отношению к истории XIX в. Именно она породила события и движения, приведшие к возникновению трех «тираний», о которых говорил Э. Алев.

Таким образом, считает Фюре, перед историком открывается новый путь для сопоставления диктаторских режимов. Речь идет о том, «чтобы рассматривать их не в концептуальном плане, в тот момент, когда каждый из них достигает пика своего развития, а в процессе их зарождения и формирования, чтобы понять как специфичность каждого из них, так и то, что всех их объединяет» [3. С. 191].

При этом автор предостерегает, что при таком подходе существует риск упрощённого толкования (пример тому – дискуссия между немецкими историками по этому вопросу в 1987 г.). Так, на тезис немецкого историка Э. Нольте, считающего фашизм и нацизм ответом на большевистский Октябрь, он заявил, что «подобный подход имеет тот недостаток, что он сглаживает особенности каждого из фашистских режимов (не говоря уже о большевизме), приводя их к общему знаменателю, только теперь не в виде общего определения, а в виде общего врага» [3. С. 192]. Если фашистские движения являются всего лишь реакцией на большевизм, то получается, что они «запрограммированы по одной модели, а это не позволяет как следует понять ни их особенности, ни их автономию, ни те истоки и страсти, которые объединяют их с врагами» [Там же]. Ф. Фюре, так же как и другие французские учёные, считает более плодотворным рассматривать каждый фашистский режим в отдельности, обращая внимание на их особенности и различия.

Существует довольно устойчивое мнение, согласно которому появление советской системы в России и нацистского рейха в Германии объясняется национально-историческими традициями этих стран, и, в сущности, это лишь продолжение их истории в новых условиях. Такое мнение, согласно Фюре, верно лишь отчасти, так как в Германии и России традиционно были сильны тенденции централизма и культ сильного государства. Однако, говорит автор, для такого феномена, как тоталитаризм, необходима особая социально-экономическая ситуация, которая стала бы благоприятной почвой для его возникновения. «Почва», по признанию французских учёных, появилась в начале XX в. «Порождённые войной большевизм и фашизм унаследовали от неё свою элементарность. Они переносят в

политику то, чему научились в траншеях: привычку к насилию, силу примитивных страстей, подчинение индивида коллективу и, наконец, горечь бесполезных жертв и совершённого по отношению к ним предательства. Именно в странах, побеждённых на поле боя или обделённых при заключении мира, подобные чувства находят наиболее благоприятную почву» [Там же].

Сравнивая фашистские движения в Европе с большевизмом, Фюре отмечает их определённую похожесть. Идеологический успех, изначально сопутствовавший большевизму в Европе, окружён такой же тайной, как и бурное развитие фашистских идей в эти же годы. Ф. Фюре полагает, что взаимосвязь и взаимодействие этих двух направлений позволяет высказать гипотезу: эффективность обеих идеологий связана с тем, что они основаны на упрощениях и преувеличениях. «И та и другая гиперболизируют и доводят до карикатуры коллективные представления, служащие им знаменем. Разжигая фанатизм своих сторонников, они не только не смягчились, придя к власти, но пустились в новые преступления и злодеяния» [3. С. 46].

Книга «Прошлое одной иллюзии» – это история коммунизма XX в. с момента его появления и до момента его краха. Автор подробно останавливается на всех судьбоносных для этой идеологии моментах её эволюции. Национальный момент является подчинённым и как таковой вообще отрицается: согласно революционной идеологии, захват власти оправдан и законен лишь ввиду перспективы мировой революции. Даже впоследствии, когда мировой революции не произошло, Россия оставалась аванпостом, плацдармом этой революции, её лабораторией и генеральным штабом. Таким образом, подчеркивает Ф. Фюре, после 1917 г. Россия стала частью истории мирового коммунизма в гораздо большей степени, чем коммунизм – частью русской истории [3. С. 12].

Ф. Фюре пишет, что «коммунизм-строй» в России превратился в «коммунизм-иллюзию». Это заключение он строит на том факте, что «коммунистический мир распался, люди этого мира, не будучи никем побеждены, сами перешли в другую систему, стали сторонниками рынка и свободных выборов либо переквалифицировались в националистов». Но от их предшествующего опыта не сохранилось никакой идеи. «Коммунизм заканчивается в какой-то пустоте. Он не открывает пути – как многие надеялись и предвидели еще со времен Хрущёва – для нового, лучшего коммунизма, свободного от пороков старого и сохранившего его достоинства» [3. С. 12, 13].

Переход от Советского Союза к Российской Федерации, совершившийся не в результате военного краха, как в Германии и Италии, а вследствие идеологического крушения, произошёл менее катастрофически, но повлёк за собой многочисленные глобальные последствия, одно из которых – наличие в «новом» «старого», а также парадоксальное рождение фашистских сил. Таким образом, по мнению Ф. Фюре, советский опыт

обнаруживает «свою нерасторжимую связь с некой фундаментальной иллюзией, которую, как казалось, он долгое время поддерживал, чтобы, в конечном счёте, её окончательно развеять» [3. С. 14]. Эта иллюзия дает человеку, затерянному в истории, не только смысл жизни, но и непоколебимую уверенность. Она не была чем-то вроде ошибочного суждения, которое можно исправить, опираясь на опыт, но имела больше общего с религиозной верой, хотя предмет её обожествления лежал в области истории. Иллюзия не просто «сопровождает» коммунизм, она его созидает: она не зависит от развития, ибо предшествует опыту, и в то же время разделяет с ним риск этого опыта, так как им проверяет истинность пророчества.

Идея коммунистического строя (коммунизма) вынашивалась значительно дольше, чем идеи фашизма и национал-социализма. Она близка многим до сих пор, несмотря на крах советского режима и тоталитарного ужаса в прошлом.

Книга «Прошлое одной иллюзии» – повествование о процессе «очарования» коммунистической идеей в XX столетии, идейная история тоталитарного искушения, в течение короткого времени стала бестселлером (было продано более 100 000 экз.) и была переведена на многие языки. Она снова открыла спор о сопоставимости фашизма, национал-социализма и коммунизма, о взаимодействиях и условных соглашениях тоталитарных идеологий и их политических последствиях. Фюре видит в коммунизме и национал-социализме два враждебно-родственных плода Первой мировой войны и гражданской самоненависти. В молодости он сам был увлечён коммунизмом и даже вступил в партию, но в 1954 г. вышел из неё.

Размышления о крахе «коммунистической империи» нашли своё продолжение в «Чёрной книге коммунизма» под редакцией С. Куртуа и Н. Верта [4]. Группа французских историков создала этот коллективный документированный труд, преследуя двоякую цель. С одной стороны, авторы подвели итоги восьмидесяти лет существования «коммунизма» в мире. С другой стороны, они попытались показать масштабы преступлений, совершённых коммунизмом или во имя коммунизма. В итоге содержание книги, основанное на многочисленном документальном материале, представляет собой чудовищную историю преступлений коммунистического мира с октября 1917 г. до середины 1990-х гг. Попытки понять, почему коммунизм, провозглашавший «сияющее будущее», стал самым кровавым, привели авторов к довольно спорному выводу: «мировая война и русская привычка к насилию» объясняют насильственный захват власти большевиками. Дальнейшее насилие «навязал революции тот человек, который навязал своей партии захват власти, – Ленин» [5. С. 672]. Его сменил Сталин, и... следуя дальнейшим размышлениям французских историков, террор стал всеобъемлющим, и даже после его осуждения на XX съезде КПСС, «покончившего с самыми

откровенными формами террора, сам принцип террора остался на вооружении и сохранил свою эффективность» [5. С. 688].

Авторы анализируют не только историю сталинского СССР, но и период гражданской войны в Испании («тень НКВД над Испанией»), а также Восточной Европы как «жертвы коммунизма». Не остались без внимания и страны (коммунистические режимы) Азии и третьего мира. Итог – 95 млн жертв коммунистических режимов по всему миру. Такой вывод сделали французские историки, авторы книги, в ходе проведённой ими огромной научно-исследовательской работы. Выход книги во Франции и других странах не мог остаться незамеченным ни собранным уникальным фактологическим материалом, ни прозвучавшими на её страницах высказываниями. Масштабы учинённого государственным коммунизмом зла в СССР, Китае, Северной Корее, Камбодже и других странах позволили авторам книги утверждать: коммунизм так же преступен, как и нацизм.

Книга носит научный характер, богата фактами, документами и свидетельствами и, безусловно, имеет большое значение для изучения тоталитаризма. Но не все выводы французских историков, на наш взгляд, так однозначны и правильны. Главная ошибка «Чёрной книги» в том, что нельзя ставить в один ряд все преступления, совершённые в рамках коммунистических диктатур, ведь среди них были преступления не только политического или идеологического характера, но и уголовные... Более того, в истории любой даже демократической страны найдутся страницы преступлений и террора, например для Франции – это война за независимость в Алжире 1957 г., а что касается США, то число их жертв за последние восемьдесят лет XX в., на наш взгляд, слишком велико для демократической страны.

«Чёрная книга» была переведена на все европейские языки, включая русский (в 1999 г., 5 тыс. экз.). Содержание книги было воспринято неоднозначно. Исследование получило огромный резонанс в общественном мнении всех стран, где оно появилось. Картина была приблизительно одинаковой во всех странах: правые партии выступали за необходимость изучения содержания книги в школах, коммунисты выступали против распространения этой книги и пытались доказать, что это чей-то «политический заказ», направленный на их дискредитацию. Другие рассуждали о том, правомерно или нет вообще вести такой счёт [6, 7].

Публикация этой книги ещё раз показала, что противостояние между правыми и левыми продолжается, как продолжают и дискуссии на тему тоталитаризма. Поэтому эта тема будет оставаться актуальной ещё долгое время. Выход книги образовал своего рода теоретический рубеж в изучении и сравнении двух форм тоталитарного господства. С этого момента дискуссия о тоталитаризме во французской исторической и политической мысли ещё больше усиливается. На первый план выдвигается вопрос о правомерности сопоставле-

ния тоталитарных режимов по размерам их преступности или кровожадности, о возможности привлечь их к одинаковой ответственности.

Своего рода ответом на этот вопрос стал труд известного французского исследователя российской (в том числе советской) истории Алена Безансона «Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность катастрофы» (1998) [8]. Автор отметил, что «скандал (вызванный «Чёрной книгой». – Н.К.) продолжался недолго, и гроб уже закрывается, хотя цифры не подверглись серьёзному опровержению» [8. С. 5]. Безансон ставит перед собой сложную задачу – подвести итоги практики коммунизма и нацизма в XX в. В своём исследовании он сопоставляет коммунизм и нацизм «под углом разрушений, которые они произвели в физическом, нравственном, политическом порядке» [8. С. 7].

Учёный считает, что можно «долго развивать сравнение между коммунизмом и нацизмом, отмечать различия и сходства, не выходя из рамок исторического и политического анализа», но с «Катастрофой же, наоборот, мы выходим из них немедленно» [8. С. 6]. Тем не менее он утверждает, что два вопроса – сравнительное историческое сознание двух смертоносных идеологий и сознание Катастрофы – тесно связаны. При этом А. Безансон вслед за Раймоном Ароном приходит к выводу, что «идеология не является продуктом тоталитаризма, но, наоборот, тоталитаризм представляет собой политический результат и воплощение в общественную жизнь идеологии, которая хронологически и исторически является первопричиной» [9. С. 85].

Именно идеология стала сутью и конечной целью советского режима, тоталитаризм же был её орудием. Коммунистический вариант тоталитарной идеологии, как считает Безансон, не менее (и даже более) опасен, нежели нацистский. Преступления нацистов очевидны и осуждены международным трибуналом; преступления коммунистов признаны и осуждены частично, причём обвиняется, как правило, не сама идеология, а экстремальные варианты её реализации (сталинизм, чистки в Китае, Пол Пот...).

Дело в том, что коммунизм апеллирует к идеалам социальной справедливости, которые сами по себе вовсе не плохи; преступно же то, что во имя достижения этих идеалов оказывается возможным злостное нарушение естественных этических заповедей. Как отметил Безансон, в действительности и нацизм, и коммунизм предложили некий «высокий идеал», способный «порождать вдохновенный энтузиазм и героические действия». Оба склонили на свою сторону выдающихся личностей и знаменитых учёных. Оба подвигли на редкие примеры самопожертвования. Немцы поддерживали своего фюрера до самого конца, несмотря на разрушения и смерть, а развал Советского Союза привёл к его дискредитации среди населения. Но коммунизм дал надежду миллионам людей по всему миру. Он часто вдохновлял их на справедливую и необходимую борьбу. Фундаментальная общность двух идеологий, считает автор, состоит в том, что как нацисты, так и коммунисты проповедовали

установление «правильного» земного порядка, достичь которого можно было, лишь сокрушив (а лучше – уничтожив) всех врагов. Различие же основывалось на принципах определения того, кто попадает в число врагов: для нацистов ими были все неарийские расы (и в первую очередь – евреи), а для коммунистов – те, кто заражен буржуазной идеологией, «духом капитализма».

Интересно также сопоставление А. Безансоном тоталитарных идеологий с христианскими ересями. Коммунизму соответствует чистый вариант гностицизма: Бога Творца заменяет естественная история человечества, а Бога Спасителя – волевая деятельность партии; нацизм же опирался на неоязычество, обогащённое эзотеризмом и оккультизмом [8. С. 66–71]. Особо Безансон рассматривает различные богословские интерпретации самого страшного преступления нацизма – массового уничтожения евреев, утверждая, что «вопрос об уникальности Катастрофы не может найти решения полного и общепринятого» [8. С. 93].

Автор, подводя итог своему исследованию, излагает своё мнение по проблеме «Памяти и забвения», ставшей особенно популярной и дискуссионной во французской исторической и политической мысли в конце 1990-х гг. XX в. Он отмечает: «У меня и мысли нет о том, чтобы исчерпать эту проблему. Но все же я могу перечислить некоторые факторы» [8. С. 96]. Смысл их таков:

1. Нацизм известен лучше коммунизма потому, что союзные силы широко открыли двери «тайников с трупами», и потому, что многие западноевропейские народы пережили его на собственном опыте.

2. Еврейский народ взял на себя ответственность за память о Катастрофе, о Шоах, так как для него это был «нравственный долг».

3. Нацизм и коммунизм попадают в магнитное поле, поляризуемое понятиями правых и левых.

4. Война, связав в военный союз демократические страны и Советский Союз, ослабила западный иммунитет к коммунистической идее, который всё же был ещё очень силен в момент пакта Гитлера и Сталина, и спровоцировала некоторый интеллектуальный ступор.

5. Одно из главных достижений советского режима состоит в том, что он смог распространить и малопомалу навязать свою собственную идеологическую классификацию современных политических режимов (социализм – капитализм, затем социализм – буржуазные демократии – фашизм).

6. Незначительность групп, способных хранить память о коммунизме. Нацизм длился 12 лет, европейский коммунизм – от 50 до 70 лет в разных странах. Длительность производит эффект автоматической амнистии.

7. Забвение коммунизма толкает к сверхпамяти о нацизме, и наоборот, хотя простой, верной памяти хватило бы, чтобы осудить и тот и другой. Тут многовековая черта западной нечистой совести: очаг абсолютно-го зла должен обретаться на Западе [8. С. 96–100].

Мысль о типологическом сходстве двух самых зловещих тоталитарных режимов XX в. – нацистской Герма-

нии и коммунистического СССР – уже давно не удивляет оригинальностью. Значение книги известного французского специалиста по российской истории Алена Безансона в том, что он не ограничивается констатацией общеизвестных фактов, а пытается найти и исследовать их корни и определить первопричины. Важность его работы заключается также в том, что он показал необходимость не только изучать и помнить прошлое, но и задуматься о будущем: «Пусть нацизм остался в XX в., а у коммунизма практически нет шансов на глобальное возрождение, но дело ведь не в именуемых идеологии словах – тоталитарные структуры тем и опасны, что способны возрождаться в новых обликах и под новыми знаменами».

Критика теории тоталитаризма во французской исторической и политической мысли в конце 1990-х гг. до-

стигла наибольшего распространения. Французские учёные в этот период существенно обогатили и углубили не только само понятие тоталитаризма, но и предложили новые концепции исследования данного феномена XX в. Предлагаемые французскими учёными классификации весьма разнообразны. Но отношение к правомерности использования понятия «тоталитаризм» в целом одинаковое: применение такого понятия, как «тоталитаризм», может быть полезно, «если пользоваться им осмыслительно», для характеристики определённого состояния, достигнутого указанными режимами (не обязательно всеми) в различные моменты их эволюции. Но оно «не говорит ничего ни о соотношении между их природой и условиями их развития, ни об их скрытом взаимоотяготении и взаимооплодотворении».

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.-Л. Нацистский миф / пер., послесл. С.Л. Фокина. СПб.: Владимир Даль, 2002.
2. Berstein S., Milza P. Dictionnaire historique de fascismes et du nazisme. Bruxelles, 1992.
3. Furet F. Le passe d'une illusion. P., 1995 / пер. на рус. яз. Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998.
4. Courtois S.; Werth N. Le Livre noir du communisme. Crime, terreur et répression. Paris, Editions Robert Laffont, S. A., 1997.
5. Чёрная книга коммунизма. Преступления, террор и репрессии. М., 1999.
6. Pannetier J.-L. Livre rouge centre Livre noir // Historia. Paris. 1998. № 614. P. 80–88.
7. Matvejevitch P. Le [(Livre noire)] lu a l'Est // Revue des deux mondes. 1998. № 6. P. 130–142.
8. Безансон А. Бедствие века: Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. М.: МИК; Париж: Русская мысль, 2000.
9. Безансон А. Советское настоящее и русское прошлое: сб. ст. М.: МИК, 1998.

Kostromina Nadezda G. Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Klio73@mail.ru

TOTALITARIANISM IN THE EVALUATION OF THE FRENCH HISTORICAL AND POLITICAL THOUGHT: FEATURES DISCUSSIONS 90S OF THE TWENTIETH CENTURY.

Keywords: totalitarianism; democracy; the French historiography of totalitarianism; the discussion of 90th of XX century on overcoming the totalitarian past.

The article deals with the discussion of French scientists on the problems of the study of totalitarianism in the 1990s and on the problems of transition from totalitarianism to democracy. The author notes that the criticism of the theory of totalitarianism in the French historical and political thought in this period reached the highest point. In the Soviet Union began the "Perestroika", the process of transition to democracy which revealed all the problems of society. In the pages of French newspapers and magazines plenty of "evidence of the totalitarian past" appeared. Under these conditions, the problem of the study of totalitarianism in the French historiography became even more important. Most of the discussion issues were related to the problems of transition from totalitarianism to democracy. The study and understanding of totalitarianism was carried out from different positions. In the scientific discussion researchers of different directions took part, for example, F. Lacoue-Labarthe and J.-L. Nancy who considered the origins and essence of totalitarian regimes from historical and philosophical positions and concluded that the emergence of totalitarian ideologies and movements was caused by the crisis of Western democracy of the early twentieth century. Bershtein and Milza insist on the fundamental novelty of the totalitarian phenomenon characteristic for the twentieth century. The totalitarianism is a form of modern dictatorship that uses all of the abundance of techniques and tools of modern communication. F. Furet in one of his last works, "The Past Is an Illusion", focuses on the intellectual and psychological history of communism in the twentieth century. He notes that the war of 1914 has played in relation to the history of the twentieth century the same role matrix as the French revolution in relation to the history of the XIXth century. It caused events and movements that led to the emergence of three "tyrannies" E. Halevi spoke of. At this time, French scholars not only significantly enriched and deepened the concept of totalitarianism, but also proposed a new concept for the study of the phenomenon of the twentieth century. The focus of the present work is the positions of French historians in relation to the problems and ways of overcoming the totalitarian past. It is noted that French scientists believed that communism was as criminal as Nazism. Totalitarianism, in their opinion, is not gone. Despite the fact that the advantages of the democratic form were fully substantiated and proved both in theory and in practice, the danger of the revival of this phenomenon is high due to the lack of mechanisms to counter it.

REFERENCES

1. Lacoue-Labarthe P., Nancy J.-L. *Natsistskiy mif* [The Nazi myth]. Translated from French by S.L. Fokin. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2002.
2. Berstein S., Milza P. *Dictionnaire historique de fascismes et du nazisme*. Bruxelles, 1992.
3. Furet F. *Proshloe odnoy illyuzii* [The past of one illusion]. Translated from French. Moscow: Ad Marginem Publ., 1998. 639 p.
4. Courtois S., Werth N. *Le Livre noir du communisme. Crime, terreur et répression*. Paris, Editions Robert Laffont, S. A., 1997.
5. Courtois S. *Chernaya kniga kommunizma. Prestupleniya, terror i repressii* [The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression. Crime, terror and repression]. Moscow: Tri veka istorii Publ., 1999. 766 p.
6. Pannetier J.-L. Livre rouge centre Livre noir. *Historia*. Paris, 1998, no. 614, pp. 80–88.
7. Matvejevitch P. Le [(Livre noire)] lu a l'Est. *Revue des deux mondes*, 1998, no. 6, pp. 130–142.
8. Besançon A. *Bedstvie veka: Kommunizm, natsizm i unikal'nost' Katastrofy* [The disaster of the century: Communism, Nazism, and the uniqueness of the Holocaust]. Translated from French by Ya. Gorbanevsky. Moscow: MIK; Paris: Russkaya mysl' Publ., 2000. 103 p.
9. Besançon A. (ed.) *Sovetskoe nastoyashchee i russkoe proshloe* [Soviet present and Russian past]. Translated from French by A. Babich. Moscow: MIK Publ., 1998.